

Г.С. Беляков

*магистрант, Московский государственный университет
им. М.В. Ломоносова (Москва)*

ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ ПОПУЛИЗМА

Аннотация. В работе представлен комплексный анализ теории популизма, находящейся на стыке политической и экономической наук. Первая часть статьи посвящена определению популизма, экономическим триггерам, способствующим росту голосов, отданных за популистские партии; описанию их ядерного электората. Во второй части работы рассматриваются типы политического популизма, причины их актуализации в XXI в., а также институциональные последствия власти популистов. Под политическим популизмом мы понимаем стратегию политической борьбы, в основе которой лежат две установки: антиэлитизм и антиплюрализм. Спрос на популизм предъявляют разобщённые социальные группы, «проигравшие» в ходе социальных трансформаций после неолиберальной революции 1970-х гг. и испытавшие негативные шоки в процессе глобализации. Протестный электорат объединяется вокруг харизматических лидеров, которые находят «виноватых» в лице традиционных элит, мигрантов или меньшинств и претендуют на право говорить от лица всего «народа». Популизм может способствовать демократизации на ранних её этапах. Однако после прихода к власти популисты склонны к разрушению системы сдержек и противовесов, ценой чему становится снижение качества институтов и торможение экономического роста. Третья часть работы посвящена оценке экономического популизма. Мы приходим к выводу, что используемые в научной литературе подходы к определению не отвечают требованию универсальности и не предполагают достаточного уровня операционализации, необходимого для эмпирических исследований. Предлагается альтернативный подход, развивающий «классическое» определение Р. Дорнбуша и С. Эдвардса: экономическая политика, направленная на провоцирование экономических шоков с целью повышения политических рейтингов власти и занижающая социально-экономические риски. Такой подход позволяет: 1) вывести экономический популизм за пределы идеологической рамки «правой-левой» экономической политики; 2) разделить экономический популизм и экономическую программу политических популистов; 3) оценивать популистскую политику мейнстримных партий. Таким образом, теория экономического популизма сближается с теорией политических деловых циклов, однако не ограничена выборами и сосредоточена на оценке спроса, а не предложения.

Ключевые слова: популизм, экономический популизм, правый и левый популизм, институты, демократия, протестное голосование, экономические триггеры, экономические шоки.

JEL: E02, P16

УДК: 32.019.51, 330.88, 338.22.01

DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2024_2_30_44

© Г.С. Беляков, 2024

© ФГБУН Институт экономики РАН «Вопросы теоретической экономики», 2024

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Беляков Г.С. Политико-экономическая теория популизма // Вопросы теоретической экономики. 2024. №2. С. 30–44. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2024_2_30_44.

FOR CITATION: Belyakov G. The Political and Economic Theory of Populism // Voprosy teoreticheskoy ekonomiki. 2024. No. 2. Pp. 30–44. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2024_2_30_44.

Введение

Популизм — противоречивое явление экономической и политической жизни XX–XXI вв., корни которого можно найти в прогрессивном движении в США, социалистическом движении в Российской империи, правых авторитарных режимах в Европе и левых — в Латинской Америке. Ко второй половине XX в. первая волна популизма идёт на спад. Однако финансовый кризис 2008 г. и миграционный — середины 2010-х гг. — спровоцировали вторую волну популизма, связанную с ростом поддержки популистских партий в развитых экономиках [Funke, Schularick, Trebesch, 2016]. В 2016 г. Великобритания запускает Брексит, с долгосрочными последствиями которого сталкивается до сих пор, а на президентских выборах в США триумфально побеждает эксцентричный бизнесмен Дональд Трамп, обещающий сделать Америку «снова великой».

К 2018 г. уже более 25% стран оказываются во власти популистов [Funke, Schularick, Trebesch, 2023]. Радикальные силы воспользовались страхами населения во время пандемии COVID-19, укрепив свою власть в Венгрии, Турции и Польше [Acemoglu, Feo, De Luca, Russo, 2022]. В 2022 г. в Италии сформировано самое «правое» правительство со времён Бенито Муссолини во главе с Джорджией Мелони, лидером «Братьев Италии», а радикальные «Шведские демократы» заняли второе место на парламентских выборах. В 2023 г. «Альтернатива для Германии» поднялась на вторую строчку в рейтинге политических партий ФРГ¹, к власти в Финляндии пришла правоцентристская «Национальная коалиция» в союзе с популистами — «Истинными финнами». В том же году сенсационную победу одержала «Партия свободы» в Нидерландах, а президент Турции Реджеп Эрдоган сумел сохранить власть, несмотря на разрушительную макроэкономическую политику и последствия катастрофического землетрясения, унёсшего жизни свыше 50 тыс. человек. Наконец, перед выборами 2024 г. Дональд Трамп становится безоговорочным лидером Республиканской партии США, партия радикализируется², её лидеры вынуждены копировать популистскую риторику бизнесмена (феномен «заражение популизмом»).

С усилением политического, экономического и миграционного кризисов в развитых странах можно ожидать, что популистские силы сумеют не только закрепиться в партийных системах, но и нарастить электоральную поддержку [Rooduijn, et al., 2023]. Таким образом, популизм как предмет научных изысканий не теряет актуальности. Напротив, сегодня исследователи получили достаточное количество данных для эмпирической оценки некоторых постулатов теории популизма.

С середины 2000-х гг. был написан ряд крупных работ, посвящённых: 1) определению популизма; 2) причинам его актуализации в конце XX — начале XXI вв.; 3) факторам голосования за популистские партии; 4) влиянию популизма на институты; 5) процессу демократизации; 6) экономическому популизму. В этой статье ставится цель провести комплексный анализ политического популизма, а также дополнить теорию экономического популизма, предложив альтернативный подход к оценке этого явления.

Определение популизма

В политологической и экономической науке нет единого определения термина «популизм» (при всей очевидности этимологии: от лат. слова «*populus*» — народ). Так, по мнению исследователей Л. Гуизо, Х. Херрера, Т. Сонно, популистскими могут быть названы любые политические силы, которые: 1) выступают за краткосрочную политику защиты

¹ German, national Poll Average. Europe elect. <https://europeelects.eu/germany/> (access date: 20.09.2023).

² Republican Party ideology over time. Voteview. <https://voteview.com/parties/200/republican-party> (access date: 01.10.2023).

населения; 2) скрывая при этом долгосрочные издержки; 3) используя антиэлитную риторику для манипулирования убеждениями населения [Guiso, Herrera, Sonno, 2017].

Исследовательница Н. Урбинати выделяет следующие характеристики популизма («проекта политического обновления») [Urbinati, 2014]:

- ▶ превознесение чистоты народа как условие политики искренности, противопоставляемой повседневной практике компромисса и переговоров, которой заняты политики;
- ▶ апелляцию к правоте большинства и утверждение его права против любого меньшинства, как политического, так и иного (популизм возвращает сильные дискриминационные идеологии, направленные против культурных, гендерных, религиозных и языковых меньшинств);
- ▶ мысль о том, что политика предполагает идентичность, построенную на противопоставлении, конструировании «нас» против «них»;
- ▶ канонизацию единства и однородности народа, противопоставляемых любой его части.

Широко распространено определение, используемое Я.-В. Мюллером: популизм — особое моралистическое воображение политики, способ восприятия политической действительности, предполагающий моральную чистоту и внутреннюю однородность народа³, который противопоставляется коррумпированным и морально деградировавшим элитам [Мюллер, 2018].

С точки зрения политологии, популизм — не идеология⁴. Популизм — стратегическое видение политики, предполагающее использование дискурса, сочетающего в себе два основных элемента: антиэлитизм и антиплюрализм. Популизм легко сочетается практически с любым идеологическим наполнением, которое необходимо для его легитимации. Так, левый популизм делает ставку на эгалитаризм и идею справедливости (социализм) и сосредоточивается на вертикальном делении общества: простой народ и класс-эксплуататор. В основе правого популизма⁵ лежит идеология национализма⁶, которая позволяет провести горизонтальное деление общества: «другими» объявляются этнические меньшинства, мигранты, либералы, социалисты, ТНК, представители сексуальных меньшинств и т.д. [Узланер, 2017]. В действительности, как правило, наблюдается синтез двух идеальных типов⁷.

Причина актуализации того или иного типа популизма кроется в специфике шоков глобализации. Так, Латинская Америка и Южная Европа испытали шоки торговли, финансов и иностранных инвестиций, спровоцировавших рост безработицы и риски дефолтов, — в этих регионах традиционно силён запрос на левый популизм с его «классовым»

³ «Моральная чистота и однородность народа» в данном контексте является фикцией, что Мюллером отдельно подчёркивается.

⁴ Существует, впрочем, и альтернативный подход: взгляд на популизм как на идеологию наряду с левыми и правыми политическими установками, что, по мнению авторов, облегчает оценку «спроса» на популизм со стороны избирателей [Mudde, Kaltwasser, 2017].

⁵ На первый взгляд, правый популизм имеет много пересечений с идеологией фашизма. Тем не менее, как демонстрируют Д. Аджемоглу с соавторами, фашизм — уникальное явление межвоенного периода XX в., связанное с милитаризацией общества в результате Первой мировой войны и вполне реальной угрозой социалистической революции. Всплеск крайне правых настроений был обусловлен страхом правых центристов перед радикальными левыми, что вынудило их отдавать голоса за фашистские партии. Тем не менее правопопулистские движения в целом имеют потенциал для превращения в фашистские — для такой трансформации должна появиться экзистенциальная угроза существующему порядку, которая повысит привлекательность правых радикалов среди умеренных избирателей. Открытым остаётся вопрос, могут ли культурные противоречия и миграционный кризис стать такой угрозой [Acemoglu, Feo, De Luca, Russo, et al., 2022].

⁶ Такая «нация» не охватывает всё население по критерию происхождения, а является социальным конструктом, призванным разделить «народ» и его «врагов». Состав категорий определяется лидером-популистом.

⁷ Конструкт нации приобрёл столь всеобъемлющий характер, что сегодня любая политическая сила вынуждена стать немного «националистической» [Миллер, 2008].

подходом⁸ [Rodrik, 2018]. В Западной и Центральной Европе сохранилось социальное государство, обеспечившее материальную компенсацию пострадавшим слоям населения. Однако в регионе наблюдается миграционный кризис⁹, актуализировавший проблему национальной идентичности, чем и воспользовались правые популисты. США испытали обе разновидности шоков — для страны актуальны как левый (Берни Сандерс¹⁰), так и правый (Дональд Трамп) типы популизма.

В качестве альтернативного объяснения может быть использована концепция пост-материализма Рональда Инглхарта: Европа достигла высокого уровня социально-экономического развития, и «политическими» для неё стали вопросы культуры и идентичности, а не бедности и неравенства [Inglehart, 1997; Mudde, Kaltwasser, 2011]. Таким образом, классовый раскол сменяется либерально-консервативным и про-антиглобалистским, где правые популисты занимают консервативный и антиглобалистский фланг¹¹. Каналом формирования новых идентичностей становятся соцсети, которые способствуют более стереотипному мышлению и «переключают» внимание бедных слоёв населения с экономических вопросов¹² [Gennaioli, Tabellini, 2019].

Типичные избиратели популистов — «проигравшие» социальные группы: представители старшего поколения¹³, люди без университетского образования, проживающие в сельской местности или на периферии, сторонники консервативных ценностей [Norris, Inglehart, 2019]. Наибольшую роль в протестном голосовании играют финансовые кризисы: в такие периоды электоральная поддержка крайне правых в среднем растёт на 30% [Funke, Schularick, Trebesch, 2016]. Финансовый кризис влечёт за собой неопределённость, фрустрацию и поляризацию общества [Gapp, 2005], что создаёт благоприятную почву для популистской риторики, позволяющей найти «виноватых» в лице элиты или мигрантов.

Среди основных факторов роста поддержки популистских сил в 2000-е гг. выделяют: 1) рост безработицы [Algan, et al., 2017] из-за «китайского торгового шока» [Autor, David, Gordon, Majlesi, et al., 2017; Colantone, Stanig, 2017] и автоматизации [Frey, Berger, Chen, 2018; Anelli, Colantone, Stanig, 2019]; 2) миграционный кризис [Dustmann, Vasiljeva, Piil 2016; Mayda, Peri, 2017]; 3) развитие информационных технологий, прежде всего мобильного интернета [Guriev*¹⁴, Papaioannou, 2022]. Популисты активнее других политических сил пользуются интернетом, общаясь со среднестатистическим избирателем на привычном ему языке [Campante, Durant, Sobbrío, 2017]. И это неудивительно, учитывая, что традиционные СМИ контролируются элитными группами.

⁸ Протестное голосование вызвано не неравенством как таковым, а чувством «экономической несправедливости», когда к разным людям применяются разные правила. Стоимость труда в развивающихся странах ниже, в них не применяются западные стандарты качества, что обуславливает более низкую стоимость импортных товаров, которые вытесняют национальную продукцию. В результате рабочие теряют места в ходе нечестной, с их точки зрения, конкуренции [Rodrik, 2018b].

⁹ Большинство мигрантов представляют культуру, отличную от европейской, что упрощает создание вокруг них негативного образа «Другого».

¹⁰ Среди сторонников политика, однако, гораздо больше традиционных левых групп [Sawyer, Moore, 2021]. Правый популизм в США оказывается доминирующим типом.

¹¹ В этом случае такие расколы покажут свою устойчивость, и можно прогнозировать дальнейшую трансформацию партийных систем [Lipset, Rokkan, 1967].

¹² Так, избиратели, пострадавшие от растущего импорта из Китая, в среднем стали более охотно мириться с сокращением госрасходов и более негативно относиться к мигрантам; для них также выросла значимость дискуссии вокруг абортотворения как одной из центральных тем групповой идентичности консерваторов.

¹³ В последние годы популистские силы всё чаще поддерживают молодые избиратели, недовольные социально-экономическим положением в стране и уставшие от традиционных партий и возрастных политиков. В первую очередь это касается новых популистских партий, как например польская «Конфедерация свободы и независимости» (Wyniki wyborów parlamentarnych 2019 [EXIT POLL]. Forsal. <https://forsal.pl/artykuly/1434700,wybory-2019-wyniki-wyborow-parlamentarnych-exit-poll.html> (access date: 01.10.2023)).

¹⁴ *Гуриев С.М. включён Минюстом РФ в список иностранных агентов.

Политический популизм

Согласно весьма ёмкой метафоре К. Мудде, популизм сводится к нелиберально-демократическому ответу на недемократический либерализм [Mudde, 2007], способу мобилизации общества для противостояния элитам. С одной стороны, популизм противоречит идее либеральной демократии, ограничивающей «чистую волю народа» с помощью институтов, с другой — может стать инструментом давления на политический режим в случае чрезмерного усиления элиты¹⁵ [Mudde, Kaltwasse, 2017]. Часть авторов идёт ещё дальше, признавая популизм необходимым каналом вовлечения разобщённых масс в политику в XXI в. [Laclau, 2005].

Причины актуализации популизма следует искать в политических и экономических трансформациях западного общества во второй половине XX в. Устойчивая представительная демократия в Европе сложилась после Второй мировой войны, в процессе создания социального государства. Кейнсианская экономическая политика стала способом регулирования капитализма и органичным дополнением к демократической легитимности, так как была нацелена на управление спросом через перераспределение благ и снижение неравенства в обществе [Штрик, 2019]. Синтез просуществовал с 1940-х по 1970-е гг. («золотое тридцатилетие»). Оказалось, что и кейнсианский капитализм порождает экономические и политические противоречия, способствуя «усилению» труда в диалоге с капиталом и чрезмерному влиянию профсоюзов, требующих повышения заработной платы.

Экономические проблемы 1970-х гг. (стагфляция), нефтяной кризис и ослабление СССР как альтернативного идеологического полюса привели к отказу от кейнсианской политики и осуществлению так называемой неолиберальной революции. Роль государства в экономике снизилась, а экономический рост начал стимулироваться за счёт задолженности домохозяйств. Процессы деиндустриализации и автоматизации размывают классовую идентичность [Rodrik, 2018] и ослабляют профсоюзы, этому же способствует и миграционный поток в развитые страны. Растёт уровень неравенства [Piketty, 2022], ускорились процессы монополизации — власть и капитал сосредотачиваются в руках крупных корпораций, выстраивающих неформальные связи с государственными органами [Срничек, 2019].

Капитализм стал инициатором «развода» с демократией¹⁶, «брак» с которой был во многом вынужденным и исторически непродолжительным. Свободный рынок порождает «проигравшие» слои населения, уже не определяющиеся классовой идентичностью, — традиционные левые уступают популистам, которые лучше других политических сил справляются с задачей консолидации разобщённого электората вокруг фигуры харизматического лидера¹⁷.

Популисты ставят под вопрос саму необходимость политической конкуренции: если народ един, а популистский лидер выражает его интересы, значит, система представительства оказывается излишней [Bernatt, 2022]. Это политическая сторона популизма:

¹⁵ Влияние популизма на национальные институты зависит от трёх факторов: сила популистской партии (находится ли она в оппозиции или у власти), международная конъюнктура (так, интеграция в рамках ЕС препятствует эрозии демократии) и тип режима. В целом, популизм благоприятен на ранних этапах демократизации и оказывает негативное воздействие на уже устоявшуюся либеральную демократию.

¹⁶ Согласно точке зрения Д. Аджемоглу и С. Джонсона, ключевым фактором неолиберальной революции стал отнюдь не объективный кризис кейнсианской экономической политики, а смена доминирующей научной парадигмы. Воспользовавшись нефтяным кризисом 1973 г. в качестве повода, монетаристы объявили кейнсианство несостоятельным и предложили альтернативный нарратив, согласно которому цели максимизации прибыли бизнеса безусловно согласуются с интересами национальной экономики («доктрина Фридмана») [Acemoglu, Johnson, 2023].

¹⁷ Здесь, однако, кроется и слабость популизма: движение может оказаться неустойчивым из-за неразумных амбиций своего лидера или же, напротив, недостатка у него харизмы, позволяющей объединить разрозненные социальные группы.

он способен мобилизовать граждан, однако в конце концов ведёт к выхолащиванию демократии, что особенно опасно для стран с неустоявшимися институтами [Байме, 2019]. Громкие лозунги способны мобилизовать электорат, но экономика приносится в жертву сиюминутным политическим интересам, и проведение реформ оборачивается стагнацией [Мау, Синельников-Мурылев, Трофимов, 1996]. Стимулирование спроса достигается за счёт увеличения государственного долга и приводит к нарушению макроэкономического равновесия. А увеличение роли государства (и лояльных режиму олигархов) в экономике способствует монополизации и изменению правил игры на рынке в пользу решающей роли центральных органов власти [Мадьяр, Мадлович, 2022b. Т. 2. С. 108], следствием чего становится подрыв основ рыночной конкуренции.

Власть популистской партии (вне зависимости от идеологического наполнения) на горизонте пятнадцати лет в среднем в отдельных случаях может приводить к потере более 10% потенциального роста ВВП [Funke, Schularick, Trebesch, 2023]. Популисты заведомо не способны выполнить все экономические обещания. А потому, придя к власти, они склонны давить на свободные СМИ с тем, чтобы не допустить распространения информации о своих провалах. Исчезновение независимых СМИ, в свою очередь, становится фактором, развязывающим руки коррупционерам. А потому в среднесрочной перспективе коррупция растёт, что снижает качество госуправления.

Впрочем, в некоторых случаях программа популистов может быть даже более реалистичной, чем предложения мейнстримных партий: как правило, она выстроена не вокруг идеологии, а вокруг актуальных социальных проблем¹⁸. Популисты способны закрепиться во власти на длительный срок (включая сценарий коалиции с центристами) [Albertazzi, McDonnell, 2015] и эффективно используют популистскую риторику и меры экономического популизма для достижения лояльности электората в период выборов [Acemoglu, Egorov, Sonin*¹⁹, 2013].

Представляется интересным рассмотрение популизма через призму НИЭТ. Согласно Д. Норт, Дж. Уоллису и Б. Вайнгасту, популизм — следствие неспособности правительства в рамках порядков ограниченного доступа наладить систему предоставления социальных услуг [Норт, Уоллис, Вайнгаст, 2011]. Если медианный избиратель имеет доходы ниже среднего, то расширение избирательных прав вынуждает государство следовать масштабному перераспределению с нулевой или даже отрицательной суммой. Это «негативная сторона демократии» в естественных государствах, её следствием становятся макроэкономическая нестабильность и экономические кризисы, нередко оборачивающиеся крахом режима. В порядках открытого доступа, напротив, государство способно перераспределять блага «обезличенно», следовать политике социального страхования и равного доступа к общественно значимым благам, что снижает спрос на популизм.

Другие представители НИЭТ, Д. Аджемоглу и Дж. Робинсон, рассматривают популизм как явление, превращающее политику в игру с нулевой суммой и препятствующее созданию широкой коалиции общественных сил, необходимой для обуздания государственного Левиафана [Acemoglu, Robinson, 2019]. Фокус внимания исследователей, таким

¹⁸ Так, программа Национального объединения Марин Ле Пен предполагает вполне конкретные методы решения миграционного вопроса — введение квот. На фоне других политических сил Франции, апеллирующих к абстрактным идеологическим постулатам, предложения правых показалось избирателям более выигрышными. То же относится и к идее Дональда Трампа о строительстве стены на границы с Мексикой — пусть и не бесспорное, но всё-таки практическое решение проблемы нелегальной миграции, которую команда Хиллари Клинтон в кампании 2016 г. попросту игнорировала. В результате «Стена Трампа» стала одним из ключевых пунктов программы будущего президента и ярким мемом, привлекающим избирателя.

¹⁹ *Сонин К.И. включён Минюстом РФ в список иностранных агентов.

образом, направлен на популизм «снизу» (со стороны спроса)²⁰, в то время как Д. Норт с соавторами рассматривают популизм «сверху» как один из видов перераспределительной политики государства (сторона предложения).

Несмотря на различные оценки популизма «снизу», большая часть авторов сходится во мнении, что власть популистов приводит к разрушению системы сдержек и противовесов. Популизм «сверху» становится удобным инструментом, при помощи которого авторитарно легитимирует себя и лишает легитимности других [Патцельт, 2018]. С этой целью популисты часто обращаются к (пере)изобретению национальных традиций и религиозному дискурсу²¹, конструируют символическое единство «народа» в противовес всем тем, кто не разделяет его ценности.

Авторитарные популисты, как правило, играют на темах обеспечения безопасности, сохранения традиций и необходимости сильного лидера [Norris, Inglehart, 2019]. Так, в Венгрии и Польше после «правого поворота»²² популизм из оппозиционного движения, связанного с мобилизацией масс, превратился в идеологическую платформу, поддерживающую гибридные режимы²³ [Мадьяр, Мадлович, 2022а. Т. 1. С. 259]. Социальные группы, недовольные status quo, привели к власти «тирана», но «тиран» не отказался от популистской риторики. Напротив, он продолжил её использовать для легитимации собственной власти и отвлечения населения от реальных социально-экономических проблем²⁴. Добившись народной поддержки, популистский лидер снижает затраты на обеспечение лояльности элит, а падение градуса оппозиционных настроений позволяет ему отказаться от механизмов физического принуждения. Фактически популизм «сверху» превращается в стратегию манипулирования общественным мнением [Guriev*, Treisman, 2017].

Экономический популизм

В экономической науке не сложилось не только единого определения популизма, но и общего взгляда на оценку этого явления. В 1990-е гг. под экономическим популизмом понимался подход к экономике, подчёркивающий рост и перераспределение доходов и принижающий риски инфляции и финансового дефицита, внешние ограничения и реакцию экономических агентов на агрессивную антирыночную политику [Dornbusch, Edwards, 1990]. Это описание было сформулировано на основе латиноамериканского опыта реформ, оно не имеет чётких эмпирических рамок и плохо подходит для описания экономической политики в других регионах мира, не прошедших через аналогичные экономические эксперименты. А потому с начала 2000-х гг. экономисты всё чаще пользуются определением

²⁰ В частности, эта идея прослеживается в разделе «Деспотизм снизу», в котором авторы рассматривают приход к власти в Веймарской республике НСДАП.

²¹ Можно наблюдать даже некоторые «цивилизационные основы» правого популизма, которые прослеживаются в Западной Европе. В вопросе противостояния исламским мигрантам правые популисты стремятся говорить от лица всей «христианской цивилизации» [Осколков, Тэвдой-Бурмули, 2018].

²² Приход к власти правых популистов в 2010 г. в Венгрии (Фидес-ХДНП) и в 2015 г. в Польше («Право и справедливость»).

²³ Гибридные режимы — смешанные политические режимы, авторитарные по своей сути, но, как правило, демонстрирующие демократические черты (наличие выборов) [Hameed, 2022]. Стоит, однако, отметить, что сами Б. Мадьяр и Б. Мадлович избегают понятия «гибридный режим» и создают собственную классификацию режимов, не относящихся к либерально-демократическим.

²⁴ Согласно исследованию The Economist, повышенная националистическая риторика правительства ассоциируется с высоким уровнем коррупции. Примитивный человеческий страх перед «другими» позволяет завоевать широкую поддержку электората без необходимости проводить политические и экономические реформы (How cynical leaders are whipping up nationalism to win and abuse power. The Economist. <https://www.economist.com/briefing/2023/08/31/how-cynical-leaders-are-whipping-up-nationalism-to-win-and-abuse-power> (access date: 01.10.2023)).

из области политологии. У такого подхода есть свои издержки: 1) понятие экономического популизма сводится к экономической программе политических популистов, что является очевидным упрощением²⁵; 2) оценка того или иного политического движения в качестве популистского неизбежно подвержена искажениям²⁶.

В последние годы в научной литературе наметился ещё один тренд — использование термина «экономический популизм»²⁷ в качестве одной из составляющих новой парадигмы экономической политики, направленной на преодоление последствий неолыберальной революции. В этом вопросе консенсус также отсутствует. Так, Д. Аджемоглу и Дж. Робинсон последовательно критикуют (политический) популизм как стратегию, превращающую политику в игру с нулевой суммой²⁸. Однако в работе 2023 г. Д. Аджемоглу с соавтором С. Джонсоном позитивно оценивает прогрессистское движение начала XX в. и Новый курс президента Франклина Рузвельта [Acemoglu, Johnson, 2023], реформы которого другой исследователь, Д. Родрик, прямо называет экономическим популизмом, позволившим предотвратить радикализацию американского общества в межвоенный период²⁹.

В качестве альтернативы Д. Аджемоглу и С. Джонсон настаивают на необходимости вмешательства государства в экономику для контроля над технологическим развитием с целью увеличения производительности труда без снижения предельной производительности. Это приведёт к росту доли труда в производстве, увеличит переговорную силу рабочих и, как следствие, усилит позиции общества в его диалоге с элитой. Д. Родрик предлагает схожую в общих чертах парадигму — «продуктивизм», направленный на преодоление противоречий двухсекторной экономики за счёт роста инвестиций в производство и создания «хороших рабочих мест»³⁰ [Rodrik, 2023]. Использование термина «экономический популизм» для определения новой экономической парадигмы кажется не вполне оправданным. В массовом сознании он имеет чётко выраженную негативную коннотацию и вызывает противоречия даже в научной среде.

В целом, рассмотренные подходы к оценке экономического популизма не предполагают достаточной степени операционализации понятия, что затрудняет эмпирические исследования. Представляется, однако, что теория экономического популизма имеет потенциал для развития при оценке trade-off между политической целесообразностью и экономической эффективностью. А потому в качестве альтернативы мы предлагаем доработанный вариант определения Р. Дорнбуша и С. Эдвардса. *Экономический популизм — экономическая политика правительства, направленная на провоцирование экономических шоков с целью повышения политических рейтингов власти и принижающая социально-экономические риски.* Такой подход позволяет: 1) отделить экономический популизм от левой

²⁵ Уникальные кейсы президента Аргентины — Карлоса Менема, президента Перу — Альберто Фухимори [Armony, 2005] и президента Мексики — Карлоса Салинаса [Knight, 1998], отдававших предпочтение либеральной экономической политике, говорят о том, что политический популизм не всегда предполагает популизм экономический. Во всяком случае, если использовать «классическое» определение 1990-х гг.

²⁶ Определённый компромисс был найден М. Рудуйном с соавторами. При классификации европейских партий учёные использовали методику EiQCC, которая сочетает политическую теорию, компаративистский анализ и кейс-стади, основанные на знаниях экспертов. В результате авторы составили список популистских партий в Европе с 1989 г., включая «пограничные» партии, не относящиеся к левому или правому популизму, например «Народ свободы» Сильвио Берлускони [Rooduijn, et al, 2023].

²⁷ Используется также термин «новый экономический популизм», под которым В. Франко и К. Витко понимают экономическую политику американских штатов, направленную на снижение неравенства [Franko, Witko, 2017].

²⁸ Антиплюрализм на фундаментальном уровне противоречит идее вхождения в «узкий коридор» — траекторию развития общества, на которой удаётся достигнуть равновесия сил государства и общества благодаря созданию широкой коалиции [Acemoglu, Robinson, 2019].

²⁹ Rodrik D. (2018). In Defense of Economic Populism. <https://www.project-syndicate.org/commentary/defense-of-economic-populism-by-dani-rodrik-2018-01> (access date: 20.09.2023).

³⁰ «Продуктивизм» проявляет больший скептицизм по отношению к технократам и менее враждебен популизму в экономической сфере.

экономической политики как таковой, а также рассмотреть случаи использования традиционно «правых» мер для повышения лояльности электората; 2) отделить экономический популизм от экономической программы «политических» популистов, которые могут проводить (умеренную) либеральную экономическую политику; 3) оценивать экономическую программу мейнстримных партий в качестве популистской.

Под шоками мы понимаем внешние по отношению к самой экономике потрясения, вследствие которых объём производства и занятости отклоняются от естественного уровня [Mankiw, 2013. P. 250]. Шоки создают неопределённость, препятствуя проведению сбалансированной экономической политики (в частности, достижению целевого уровня инфляции). Их источниками могут являться действия экономических акторов и правительств, в том числе целенаправленные. Яркий пример — «шоковая терапия»: комплекс радикальных реформ, направленных на оздоровление и либерализацию экономики³¹ [Murrell, 1993].

Согласно модели ретроспективного голосования, решение о поддержке действующего правительства избиратель принимает на основе оценки собственного благосостояния [Fiorina, 1978]. Таким образом, экономические шоки могут способствовать росту или снижению рейтингов власти, в зависимости от функции полезности избирателей. Эта идея легла в основу делового политического цикла: в годы выборов правительство имеет тенденцию проводить экспансионистскую бюджетно-налоговую, а часто и денежно-кредитную политику [Frankel, 2010].

Вмешательство правительства в экономику может реализовываться через три канала:

1) бюджетно-налоговая и социальная политика: рост государственных расходов и/или снижение налоговой нагрузки перед выборами [Rogoff, Sibert, 1988];

2) денежно-кредитная политика: давление на ЦБ с целью манипуляции ключевой ставкой для краткосрочного ускорения экономики [Hibbs, 1977; Alesina, 1987], либо сдерживания реакции ЦБ в ответ на стимулирующую бюджетно-налоговую политику [Drazen, 2000].

3) иные меры: национализация собственности (зарубежных) компаний, ужесточение миграционного законодательства, введение таможенных барьеров, перераспределение ресурсов из экспортно-ориентированных секторов экономики в «импортозамещающие» и т.д. [May, Синельников-Мурылев, Трофимов, 1996].

Теория экономического популизма, таким образом, сближается с теорией политических деловых циклов, однако (1) не ограничена периодом выборов и (2) сосредоточена на оценке спроса, а не предложения [Khemani, Wane, 2008].

Для объяснения выбора популистской политики воспользуемся двухпериодной моделью Д. Аджемоглу, Г. Егорова и К. Сонины* [Acemoglu, Egorov, Sonin*³², 2013]. Популистская политика, по мнению авторов, находится левее «точки блаженства» (bliss point) среднего избирателя: таким образом политик сигнализирует, что будет поддерживать интересы общества, а не элиты. Можно представить обратную ситуацию: если избиратели подозревают политика в левом радикализме, он выбирает стратегию «справа» от медианных предпочтений. Продемонстрируем специфику подхода на некоторых примерах.

Первая волна популизма в Латинской Америке (до 1960-х гг.) связана со становлением индустриального урбанизированного общества и распространением политических свобод. Классическим примером экономического популизма стала программа президента Аргентины Хуана Перона (годы власти: 1946–1955 гг. и 1973–1974 гг.) [Sturzenegger, 1991].

³¹ На первый взгляд, «шоковая терапия» — антипопулистская политика, издержки от которой преимущественно ложатся на беднейшие социальные группы. Даже относительно удачные кейсы её использования (Польша) привели к росту издержек для наименее обеспеченных слоёв населения. Как мы увидим далее, это не всегда так.

³² *Сонин К.И. включён Минюстом РФ в список иностранных агентов.

Экономические реформы, направленные на обеспечение занятости, организацию системы социального страхования, национализацию и индустриализацию, обеспечили переизбрание политика в 1952 г. Короткий экономический бум (1946–1953), однако, обеспечивался за счёт широкомасштабных государственных инвестиций. Когда неблагоприятная внешне-экономическая конъюнктура привела к торговому дисбалансу и росту национального долга Аргентины, в экономике началась стагфляция [Horowitz, 2012]. На фоне общественного недовольства режим перешёл к точечным репрессиям и конце концов был свергнут военными. В отличие других латиноамериканских политиков-популистов первой волны, Хуану Перону удалось вернуться к власти в 1970-е гг. Третий президентский срок (1973–1974 гг.) ознаменовался аналогичной экономической политикой и продолжением борьбы с оппозицией. С 1975 г. в Аргентине начинается период гиперинфляции — вдова Перона, занявшая должность президента после смерти мужа, была свергнута в ходе очередного переворота в 1976 г., который привёл к установлению военной хунты.

На фоне провала левых экономических реформ в Латинской Америке складывается уникальная ситуация: «точка блаженства» медианного избирателя смещается вправо. В 1990-е гг. после падения хунты популизм возвращается в повестку в форме «неопопулизма» с неолиберальной экономической программой [Armony, 2005]. Карлос Менем (1989–1999 гг.) позиционировал себя как продолжателя дела Хуана Перона, однако начало его президентского срока в 1989 г. ознаменовалось очередным скачком цен, для борьбы с которым политик вынужден был пересмотреть экономическую программу в пользу Вашингтонского консенсуса: сокращение госрасходов, приватизация собственности и сферы социальных услуг — реформы имели краткосрочный успех, в 1995 г. Менем переизбрался на второй срок. Однако растущая безработица и снижение уровня жизни беднейших слоёв населения к середине второго срока привели к массовым протестам — вернуться в большую политику Менем уже не смог [Horowitz, 2012]. В 2003 г. президентом Аргентины становится перонист Нестор Киршнер с социально ориентированной экономической программой — начинается очередная итерация аргентинского популистского цикла.

С конца 1990-х гг. после провала неолиберальных реформ запрос избирателей вновь смещается к более «левой» экономической политике. Яркая фигура возрождённого «классического» популизма — президент Венесуэлы Уго Чавес (1999–2013 гг.), сделавший ставку на национализацию нефтяных компаний и широкомасштабные программы социальной помощи («Plan Bolívar 2000») [Вареницова, 2014]; что весьма характерно — нацеленные на краткосрочную перспективу. Вместо структурной перестройки экономики осуществлялось перераспределение нефтяной ренты в обмен на лояльность электората [Maya, 2016]. Однако на фоне снижения цен на энергоносители к третьему сроку Чавеса уровень бедности в Венесуэле фактически вернулся к прежним показателям (с 25,4% в 2012 г. до 32,1% в 2013 г.)³³, с 2010-х гг. финансирование социальных программ происходит за счёт бюджетного дефицита (15,6% в 2012 г.)³⁴. На фоне экономической нестабильности «наследник» Чавеса Николас Мадуро перешёл к установлению авторитарного режима.

Наконец, появление таких политиков, как Жаир Болсонару [Pinheiro-Machado, 2023] в Бразилии и Хавьер Милей в Аргентине, свидетельствует о возможной четвёртой волне популизма на континенте, с возвращением к либеральной экономической программе. В этом отношении Латинская Америка — пример уникальный, но лишь по масштабам явления.

После неудачи неолиберальных реформ популистская реакция наблюдалась в Греции [Agnantopoulos, Lambiri, 2015], где к власти в 2015 г. приходит движение «Сириза». А в Великобритании одной из главных причин Брексита в 2016 г. стала политика «жёсткой

³³ Economic Commission for Latin America and the Caribbean (ECLAC), Social Panorama of Latin America, 2014.

³⁴ Venezuela Government Budget. Tradingeconomics.com. <https://tradingeconomics.com/venezuela/government-budget> (access date: 20.02.2024).

экономии», связанная с урезанием социальных трансфертов [Fetzer, 2023], что привело к протестному голосованию.

Примером провоцирования шоков монетарной политики с целью краткосрочного ускорения экономики служит «макроэкономический популизм» Реджепа Эрдогана. Поддержка турецкого режима согласуется с ростом реального ВВП³⁵, причём контроль над СМИ даёт политической элите возможность исказить информацию о состоянии экономики — сторонники правящей партии склонны к более высокой оценке экономической ситуации [Aytaç, 2020]. За полгода до президентских выборов, с июля 2022 г. по февраль 2023 г., ключевая ставка ЦБ Турции была снижена с 14% до 8,5%, хотя по итогам 2022 г. уровень инфляции превысил 72%. Впрочем, после успешного переизбрания Эрдогана произошло возвращение к ортодоксальной монетарной политике: в июне 2023 г. ЦБ поднял ставку почти в 2 раза (до 15%) и продолжил ужесточение денежно-кредитной политики.

Наличие бюджетного политического цикла, связанного с провоцированием шоков фискальной политики перед выборами (резкое повышение госрасходов, снижение налоговой нагрузки), отмечается в Индонезии [Rizqiyati, Setiawan, 2021], Чили [Corvalan, Cox, Osorio, 2018], Италии [Repetto, 2018] и ряде других стран. Причём наиболее «уязвимыми» оказываются неустоявшиеся демократии со слабыми институтами³⁶ [Shmuel, 2020]. Корреляция между политическими циклами и структурой бюджета прослеживается и на данных стран ОЭСР [Potrafke, 2020]. Важно, однако, подчеркнуть, что вклад политических деловых циклов в отклонения от оптимальной политики в развитых странах ограничен, что усложняет его оценку.

Политический популизм, способствующий деградации институциональной рамки, также увеличивает риск манипуляции экономикой, в том числе и вне электорального цикла [Gavin, Manger, 2023]. Так, в Польше после победы правоконсервативной партии «Право и справедливость» на выборах в 2015 г. были запущены масштабные программы социальной поддержки, способствующие росту политических рейтингов ценой снижения долгосрочной устойчивости бюджета [Wysocki, Wójcik, Freytag, 2022]. Из-за консолидации оппозиционных сил и ряда непопулярных политических решений³⁷ «Право и справедливость» потеряла власть после парламентских выборов 2023 г.

Выводы

Политический и экономический популизм — явления близкие, но отнюдь не тождественные. Первый представляет собой стратегию политической борьбы, направленную на консолидацию протестного электората против элит. Второй — экономическую политику, нацеленную на краткосрочный рост лояльности избирателей, но игнорирующую средние и долгосрочные риски. Такая политика не подразумевает структурную трансформацию экономики в интересах беднейших слоёв населения — и в этом смысле она идейно близка с политическим популизмом, способствующим народному представительству только на ранних этапах демократизации.

³⁵ В 2021 г. турецкий ВВП вырос на 11,4%, а в 2022 г. — на 5,6% (Шибанов О. Макроэкономический эксперимент: о чем говорят приключения ставки турецкого ЦБ. Forbes. <https://www.forbes.ru/mneniya/491676-makroekonomiceskij-eksperiment-o-chem-govorot-priklucenia-stavki-tureckogo-cb> (дата обращения: 20.02.2024)).

³⁶ В автократиях политики обладают более широким набором инструментов по манипулированию общественным мнением, включая монополию в информационном пространстве, а потому менее заинтересованы во вмешательстве в экономику. В либеральных демократиях экономическому популизму препятствуют независимые ЦБ, антимонопольное ведомство, суд, СМИ, снижающие асимметрию информации для избирателей. Защиту от бюджетного политического цикла обеспечивают также строгие бюджетные правила [Gootjes, de Haan, Jong-A-Pin, 2021].

³⁷ Продиктованный идеологией запрет аборт, вызвавший массовые протесты в крупных городах.

Чтобы подчеркнуть краткосрочную ориентацию экономического популизма, мы предлагаем оценивать такую политику по наличию фактов через провоцирование правительством экономических шоков, ведущих к отклонению экономических переменных от своего тренда. Причём характер этих шоков напрямую зависит от функции полезности избирателей. Как правило, более популярными оказываются меры «левой» экономической политики, направленные на снижение безработицы и рост реальных доходов населения. Однако в некоторых случаях предпочтение отдаётся «правой» антиинфляционной политике («неопопулизм» в Латинской Америке).

Наиболее уязвимы перед экономическим популизмом страны с неустоявшейся демократией, где у правительства есть желание вмешательства в экономику с целью переизбрания, а институты, сдерживающие такое желание, развиты слабо. Политические популисты также имеют более высокую склонность к использованию мер экономического популизма. Тем не менее в ряде случаев они отдают предпочтение умеренной экономической программе и ориентируются на вопросы культуры и идентичности (часть европейских правых).

Более того, экономический популизм может использоваться мейнстримными партиями для предотвращения популистской реакции населения. Меры, направленные на поддержку бедных слоёв, могли бы препятствовать радикализации электората в годы финансовых кризисов и приходу к власти сил, склонных к разрушению системы сдержек и противовесов (Польша и Венгрия) и принятию рискованных политических решений (Брексит в Великобритании).

ЛИТЕРАТУРА/REFERENCES

- Байме фон К. (2019). Правый популизм в постдемократии: эрозия партий, подъем экспертов и СМИ. «Разъяренные граждане» [Klaus von B. (2019). Right-wing populism in post-democracy: the erosion of parties, the rise of experts and mass media. "Angry citizens"] // *Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки*. С. 23–53.
- Варенцова О.В. (2014). Три волны популизма в Латинской Америке [Varentsova O.V. (2014) Three waves of populism in Latin America] // *Вестник МГИМО Университета*. С. 153–160. DOI: 10.24833/2071-8160-2014-6-39-153-160.
- Гарр Т.Р. (2005). Почему люди бунтуют [Gurr T.R. (2005). Why do people rebel]. — СПб.: Питер.
- Мадьяр Б., Мадлович Б. (2022). Посткоммунистические режимы. Концептуальная структура. В 2-х т. [Madyar B., Madlovich B. (2022). Post-communist regimes. Conceptual structure. Volume 1 and 2] / пер. с англ. Ю. Игнатьевой под ред. А. Решетникова. — М.: Новое литературное обозрение.
- Мау В., Синельников-Мурылев С., Трофимов Г. (1996). Экономико-политический цикл и экономический популизм в посткоммунистической России [Maui V., Sinelnikov-Murylev S., Trofimov G. (1996). The economic and political cycle and economic populism in post-communist Russia] // Мау В., Синельников-Мурылев С., Трофимов Г. *Макроэкономическая стабилизация, тенденции и альтернативы экономической политики России*. Научные труды. №1Р. — М.: Институт экономических проблем переходного периода. С. 44–84.
- Миллер А.И. (2008). Дебаты о нации в современной России [Miller A.I. (2008). The debate about the nation in modern Russia] // *Политическая наука*. №1. С. 7–30.
- Мюллер Я.-В. (2018). Что такое популизм? [Müller J.-W. (2018). What is populism?] / пер. с англ. А. Архиповой; под науч. ред. А. Смирнова. — М.: ИД Высшей школы экономики.
- Норт Д., Уоллис Дж., Вайнгаст Б. (2011). Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества [North D., Wallis J.J., Weingast B.R. (2011). Violence and Social Orders. A Conceptual Framework for Interpreting Recorded Human History]. — М.: Издательство Института Гайдара.
- Осколков П.В., Тэвдой-Бурмули А.И. (2018). Европейский правый популизм и национализм: к вопросу о соотношении функционала [Oskolkov P.V., Tavdoy-Burmuli A.I. (2018). European right-wing populism and nationalism: on the question of the functional relationship] // *Вестник Пермского университета. Серия: Политология*. С. 22–36. DOI: 10.17072/2218-1067-2018-3-19-33.
- Патцельт В.Й. (2018). Популизм — что с ним делать [Patzelt V.Y. (2018). Populism — what to do with it] // *Популизм как общий вызов* / Отв. ред. К. Кроуфорд, Б. И. Макаренко, Н. В. Петров. — М.: Политическая энциклопедия. С. 16–26.

- Срничек Н. (2019). *Капитализм платформ* [Srnicsek N. (2019). Platform Capitalism] / пер. с англ. и науч. ред. М. Добряковой. — М.: ИД: НИУ ВШЭ.
- Штрик В. (2019). Купленное время. Отсроченный кризис демократического капитализма. Цикл лекций в рамках Франкфуртских чтений памяти Адорно [Streeck W. (2019). Buying Time. The Delayed Crisis of Democratic Capitalism] // *Экономическая социология*. Т. 20. № 2. С. 86–103. DOI: 10.17323/1726-3247-2019-2-86-103.
- Acemoglu D., De Feo G., De Luca G., Russo G. (2022). War, Socialism and the Rise of Fascism: An Empirical Exploration // *The Quarterly Journal of Economics*. Vol. 137. No. 2. Pp. 1233-1296. DOI: 10.1093/QJE/QJAC001.
- Acemoglu D., Egorov G., Sonin K.³⁸ (2013). A Political Theory of Populism // *Quarterly Journal of Economics*. No. 128(2). Pp. 771–805. DOI: org/10.2139/ssrn.1910241.
- Acemoglu D., Johnson S. (2023). *Power and Progress: Our Thousand-Year Struggle Over Technology and Prosperity*. — London: Hachette UK.
- Acemoglu D., Robinson J. (2019). *The Narrow Corridor: States, Societies, and the Fate of Liberty*. — London: Penguin.
- Agnantopoulos, A., Lambiri, D. (2015). Variegated capitalism, the Greek crisis and SYRIZA's counter-neoliberalisation challenge // *Geoforum*. Pp. 5–8. DOI: 10.1016/j.geoforum.2015.05.008.
- Albertazzi D., McDonnell D. (2015). *Populists in Power*. — Oxfordshire: Routledge.
- Algan Y., Guriev S.³⁹, Papaioannou E., Passari E. (2017). The European Trust Crisis and the Rise of Populism // *Brookings Papers on Economic Activity*. Pp. 309–400. DOI: 10.1353/ECA.2017.0015.
- Alesina A. (1987). Macroeconomic policy in a two-party system as a repeated game // *Quarterly Journal of Economics*. Pp. 651–678. DOI: 10.2307/1884222.
- Anelli M., Colantone I., Stanig P. (2019). We Were the Robots: Automation and Voting Behavior in Western Europe // *BAFFI CAREFIN Centre Research Paper*. DOI: 10.2139/ssrn.3427624.
- Armony A. (2005). Populism and neo-populism in Latin America // *Université du Québec à Montréal*. Pp. 223–248. DOI: 10.1017/S0022216X98005033.
- Autor D.H., David D., Gordon H. H., Majlesi K. (2017). A Note on the Effect of Rising Trade Exposure on the 2016 Presidential Elections // Appendix to *Importing Political Polarization*. Pp. 3139–3183. https://mpira.ub.uni-muenchen.de/112889/1/MPRA_paper_112863.pdf.
- Aytaç S.E. (2020). Economic voting during the AKP era in Turkey // *The Oxford Handbook of Turkish politics*. Pp. 319–340. DOI: 10.1093/oxfordhb/9780190064891.013.6.
- Bernatt M. (2022). *Populism and Antitrust: The Illiberal Influence of Populist Government on the Competition Law System*. — Cambridge (UK): Cambridge University Press.
- Campante F.R., Durante R., Sobbrío F. (2017). Politics 2.0: The Multifaceted Effect of Broadband Internet on Political Participation // *Journal of the European Economic Association*. Vol. 16. No 4. Pp. 1094–1136. DOI: 10.1093/jeea/jvx044.
- Colantone I., Stanig P. (2017). The Trade Origins of Economic Nationalism: Import Competition and Voting Behavior in Western Europe // *SSRN Electronic Journal*. No. 49. Pp. 936-953. DOI: 10.2139/ssrn.2904105.
- Corvalan A., Cox P., Osorio R. (2018). Indirect political budget cycles: Evidence from Chilean municipalities // *Journal of Development Economics*. Vol. 133(C). Pp. 1–14. DOI: 10.1016/j.jdeveco.2018.01.001.
- De la Torre C. (2017). Populism and democracy: lessons from Latin America // *Seton Hall Journal of Diplomacy and International Relations; South Orange* Vol. 18. No. 2. Pp 33–46.
- Drazen A. (2000). The political business cycle after 25 years // *NBER macroeconomics annual*. Pp. 75–117. DOI: 10.1086/654407.
- Dornbusch, R., Edwards, S. (1990). Macroeconomic populism // *Journal of Development Economics*. Vol. 32. No. 2. Pp. 247–277. DOI: 10.1016/0304-3878(90)90038-d.
- Dustmann C., Vasiljeva K., Püil A. (2016). Refugee Migration and Electoral Outcomes // *CReAM Discussion Paper Series*. DOI: 10.1093/RESTUD/RDY047.
- Fetzer T. (2023). Contribution to the workshop «Beyond Neoliberalism and Neo-illiberalism: Economic Policies and Performance for Sustainable Democracy» at the New School. <https://www.trfetzer.com/2023/08/04/contribution-to-the-workshop-beyond-neoliberalism-and-neo-illiberalism-economic-policies-and-performance-for-sustainable-democracy-at-the-new-school/> (access date: 20.02.2024).
- Fiorina M.P. (1978). Economic Retrospective Voting in American National Elections: A Micro-Analysis // *American Journal of Political Science*. Vol. 22 No. 2. Pp. 426–443.
- Frankel J. (2010). Monetary Policy in Emerging Market Countries in Emerging Market Countries // *Handbook of Monetary Economics* / B. Friedman and M. Woodford (eds). — Amsterdam, Oxford: North-Holland Publishing Company and American Elsevier Publishing Company. Pp. 205–245.
- Franco W., Witko C. (2017). *The New Economic Populism: How States Respond to Economic Inequality*. — Oxford (UK): Oxford University Press.

³⁸ * Сонин К.И. включён Минюстом РФ в список иностранных агентов.

³⁹ * Гурьев С. включён Минюстом РФ в список иностранных агентов.

- Frey C. B., Berger T., Chen C. (2018). Political machinery: did robots swing the 2016 US presidential election? // *Oxford Review of Economic Policy*. Vol.34. No.3. Pp. 418-442. DOI: 10.1093/oxrep/gry007.
- Funke M., Schularick M., Trebesch C. (2016). Going to extremes: Politics after financial crises, 1870–2014 // *European Economic Review*. Vol. 88(C). Pp. 227–260. DOI: 10.2139/ssrn.2688897.
- Funke M., Schularick M., Trebesch C. (2023). Populist Leaders and the Economy // *American Economic Review*. No. 12. Pp. 3249–3288. DOI: 10.1257/aer.20202045.
- Gavin M., Manger M. (2023). Populism and De Facto Central Bank Independence // *Comparative Political Studies*. Vol. 56. No. 8. Pp. 1189–1223. DOI:10.1177/00104140221139513.
- Gennaioli N., Tabellini G. (2019). Identity, Beliefs, and Political Conflict // *CESifo Working Paper*. No. 7707. Pp. 2371–2411.
- Gootjes B., de Haan J., Jong-A-Pin R. (2021). Do fiscal rules constrain political budget cycles? // *Public Choice*. Vol. 188. Pp. 1–30. DOI: 10.1007/s11127-020-00797-3.
- Guiso L., Herrera H., Sonno T. (2017). Populism: Demand and Supply // *Bankpedia review*. Vol. 7. No. 1–2. Pp. 1–61. https://www.researchgate.net/publication/325472986_DEMAND_AND_SUPPLY_OF_POPULISM#fullTextFileContent (access date: 20.02.2024).
- Guriev S.*, Treisman D. (2017). The Popularity of Authoritarian Leaders: A Cross-National Investigation // *World Politics*. Vol. 72. No. 4. Pp. 601–638. DOI: 10.2139/ssrn.2882915.
- Guriev S.*, Papaioannou, E. (2022). The political economy of populism // *Journal of Economic Literature*. Vol. 60. No. 3. Pp. 753–832. DOI: 10.1257/jel.20201595.
- Hameed M.M. (2022). Hybrid regimes: An Overview // *IPRI Journal*. Vol. XXII. No. 1. Pp. 1–23. DOI: 10.31945/iprij.220101.
- Hassan T.A., Hollander S., Van Lent L., Tahoun A. (2020). The global impact of Brexit uncertainty // *National Bureau of Economic Research*. Working Paper 26609. DOI: 10.3386/w26609.
- Hibbs D. (1977). Political parties and macroeconomic policy // *American Political Science Review*. Vol. 71. No. 4. Pp. 1467–1487. DOI: 10.2307/1961490.
- Horowitz J. (2012) Populism and its legacies in Argentina // *Populism in Latin America* / Ed. by M.L. Conniff. Tuscaloosa (US): University Alabama Press. Pp. 23–48.
- Inglehart R. (1997). *Modernization and Postmodernization*. — Princeton (NJ, USA): Princeton University Press.
- Khemani S., Wane W. (2008). Populist Fiscal Policy // *World Bank Policy Research Working Paper*. No. WPS 4762. — Washington, D.C.: World Bank Group. <http://documents.worldbank.org/curated/en/633551468136199999/Populist-fiscal-policy>.
- Knight A. (1998). Populism and Neo-populism in Latin America, especially Mexico // *Journal of Latin American Studies*. Vol. 30. No. 2. Pp. 223–248.
- Lipset S., Rokkan S. (1967). Cleavage Structures, Party Systems and Voter Alignment // *Party systems and voter alignments: Cross-national perspectives* / S. Lipset, S. Rokkan (eds.) — New York: Free Press. Pp. 3–64.
- Laclau E. (2005). *On populist reason*. — London, New York: Verso.
- Mayda A.M., Peri G. (2017). The Economic Impact of US Immigration Policies in the Age of Trump // *Economics and Policy in the Age of Trump*. / C.P. Brown (Ed.). — London: CEPR Press. <https://voxeu.org/pages/contact-us>.
- Maya M.L. (2016). La crisis venezolana y el futuro del chavismo // *Foreign affairs: Latinoamérica*. Vol. 16. No. 3. Pp. 28–35.
- Mankiw N. G. (2013). *Macroeconomics fifth edition*. — New York: Worth Publishers.
- Mudde C., Kaltwasser C. R. (2011). *Voices of the peoples: Populism in Europe and Latin America compared*. — South Bend, Indiana: Helen Kellogg Institute for International Studies.
- Mudde C. (2007). *Populist Radical Right Parties in Europe*. — Cambridge: Cambridge University Press.
- Mudde C. Kaltwasser C.R. (2017). *Populism: A Very Short Introduction*. — Oxford (UK): Oxford University Press.
- Murrell P. (1993) What is Shock Therapy? What Did it Do in Poland and Russia? // *Post-Soviet Affairs*. Vol. 9. No. 2. Pp. 111–140. DOI: 10.1080/1060586X.1993.10641362.
- Norris P., Inglehart R. (2019). *Cultural Backlash: Trump, Brexit, and Authoritarian Populism*. — Cambridge (MA, USA): Cambridge University Press.
- Pinheiro-Machado R. (2023). Why and How Precarious Workers Support Neo-Illiberalism // *Beyond Neoliberalism and Neo-illiberalism: Economic Policies and Performance for Sustainable Democracy*. Pp. 41-61. https://www.academia.edu/105008856/Why_and_how_precarious_workers_support_neo_illiberalism_IN_Report_on_Neoliberalism_and_Neo_illiberalism_July
- Piketty T. (2022). *A Brief History of Equality*. — Harvard: Belknap Press.
- Potrafke N. (2020). General or central government? Empirical evidence on political cycles in budget composition using new data for OECD countries // *European Journal of Political Economy*. Vol. 63. No. 1. P. 101860. DOI: 10.1016/j.ejpoleco.2020.101860.
- Repetto L. (2018). Political budget cycles with informed voters: evidence from Italy // *The Economic Journal*. Vol. 128. Issue 616. Pp. 3320–3353. DOI: 10.1111/eoj.12570.
- Rizqiyati C., Setiawan D. (2021). Political Budget Cycle on The Regional Elections in Indonesia // *Jurnal Aset (Akuntansi Riset)*. Vol. 13 No. 1. Pp. 85–98. DOI: 10.17509/jaset.v13i1.33879.

- Rodrik D. (2018). Populism and the economics of globalization // *Journal of International Business Policy*. Vol. 1. No. 1. Pp. 12–33. DOI: 10.1057/s42214-018-0001-4.
- Rodrik D. (2019). Is Populism Necessarily Bad Economics? // *AEA Papers and Proceedings*. Vol. 108. Pp. 196–199. DOI: 10.1257/pandp.20181122.
- Rodrik D. (2023). On productivism // *HKS Faculty Research Working Paper Series*. DOI: 10.2139/ssrn.4404241.
- Rogoff K., Sibert A. (1988). Elections and macroeconomic policy cycles // *Review of Economic Studies*. Vol. 55. Issue 1. Pp. 1–16. DOI: 10.2307/2297526.
- Rooduijn M., Pirro Andrea L.P., Halikiopoulou D., Froio C., Kessel S., De Lange S., Mudde C., Taggart P. (2023). The PopuList: A Database of Populist, Far-Left, and Far-Right Parties Using Expert-Informed Qualitative Comparative Classification (EiQCC) // *British Journal of Political Science*. No.1. Pp. 1–10. DOI: 10.1017/S0007123423000431.
- Sawyer P.S., Moore A. (2021). Populism on the American Left: How Populist is the Sanders Electorate? // *The Interdisciplinary Journal of Populism*. Issue 2. Pp. 7–31.
- Shmuel A. (2020). The political budget cycle across varying degrees of democracy // *Electoral Studies*. Vol. 68. No. 3. DOI: 10.1016/j.electstud.2020.102218.
- Sturzenegger F.A. (1991). Description of a populist experience: Argentina, 1973–1976 // *The macroeconomics of populism in Latin America* / R. Dornbusch & S. Edwards (Eds.) — Chicago: University of Chicago Press. Pp. 77–120.
- Urbainati N. (2014). *Democracy Disfigured: Opinion, Truth and the People*. — Cambridge (MA, USA): Harvard University Press. Pp. 131–145.
- Wysocki M., Wójcik C., Freytag A. (2022). Populists and Fiscal Policy: The Case of Poland // *CESifo Working Paper*, 10146. DOI: 10.2139/ssrn.4309197.

Глеб Сергеевич Беляков

beljkoffgleb@mail.ru

Gleb Belyakov

graduate student of the Faculty of Economics of Lomonosov Moscow State University

beljkoffgleb@mail.ru

THE POLITICAL AND ECONOMIC THEORY OF POPULISM

Abstract. The paper presents a cross-disciplinary theory of populism. The first part of the article considers a definition of populism, the main electorate of populist forces, and the economic triggers of protest votes for populist parties. The second part deals with the different types of political populism, the reasons for their actualization in the 21st century, and the institutional consequences of populist power. The demand for populism comes from fragmented social groups that lost out in the social transformations following the neoliberal revolution of the 1970s and experienced the negative shocks of globalization. The protest electorate is organized around charismatic leaders who find ‘scapegoats’ in the form of traditional elites, migrants, or minorities and claim to speak for the «nation». Populism can contribute to democratization in its early stages. However, once in power, populists tend to undermine the system of checks and balances, leading to a decline in the quality of institutions and a slowdown in economic growth. The third part of the paper assesses the impact of economic populism. It is concluded that the definitional approaches used in academic literature do not meet the requirement of universality and do not imply a sufficient level of operationalization necessary for empirical research. An alternative approach is proposed that develops the «classical» definition of R. Dornbusch and S. Edwards: economic policy aimed at provoking economic shocks in order to increase the political ratings of the authorities and downplaying socio-economic risks. This approach enables economic populism to transcend the ideological framework of «right-left» economic policy, separate it from the economic policy of political populists, and evaluate the populist policies of mainstream parties. The theory of economic populism converges with the theory of political business cycles, but is not limited to elections and focuses on assessing demand rather than supply.

Keywords: *populism, economic populism, right-wing and left-wing populism, institutions, democracy, protest voting, economic triggers, economic shocks.*

JEL: E02, P16.